

Л.И. Сазонова (ИМЛИ РАН, Москва)

Михайловские чтения – 2025.

Теоретико-литературное наследие А.В. Михайлова в современной науке

В 2025 г. исполнилось 30 лет как ушел из жизни Александр Викторович Михайлов (1938–1995), выдающийся российский ученый-гуманитарий второй половины XX в. с широким кругом научных интересов в области германистики, теории и истории литературы и культуры, исторической поэтики, сравнительного литературоведения, философии и эстетики, искусствознания и музыковедения. Его научное наследие обширно и в значительной своей части опубликовано посмертно. Работы Михайлова открыли новые горизонты познания, поэтому он стал фигурой, вокруг которой продолжают объединяться интересы исследователей-гуманитариев разных специальностей: специалисты по теории и истории литературы и культуры, философы, историки театра, стиховеды, музыковеды, искусствоведы, лингвисты.

Осмыслению научного наследия ученого посвящена ежегодная конференция по теории литературы «Михайловские чтения». География ее участников обширна: с докладами выступили исследователи из научных центров России – Гётевской комиссии при Научном совете РАН «История мировой культуры», из ИНИОНА РАН, из Высшей школы экономики, РАНХиГС, РГГУ, Литературного института им. А.М. Горького, Музея-квартиры Ф.М. Достоевского, из университетов Борисоглебска, Воронежа, Дагестана Казани, Махачкалы Дагестан), Новосибирска, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Тамбова, Тюмени, Череповца, а также из Института искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной академии наук Украины и

Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (Киев). Важной частью научного наследия А.В. Михайлова являются его работы по истории и теории музыки. На «Михайловских чтениях» с докладами выступали музыковеды из Московской гос. консерватории им. П.И. Чайковского, Российской академии музыки им. Гнесиных, из Казанской гос. консерватории им. Н.Г. Жиганова, Ростовской гос. консерватории им. С.В. Рахманинова, из Музыкально-педагогического института им. М.М. Ипполитова-Иванова. В 2008 г. «Михайловские чтения» организованы ИМЛИ РАН совместно с Московской гос. Консерваторией им. П.И. Чайковского.

В работу конференции внесли вклад исследователи из Германии, Италии, Польши, Сербии (Новий Сад), США.

Широкая география участников конференции свидетельствует о постоянном, глубоком и неувядающем интересе к научному наследию А.В. Михайлова.

«Михайловские чтения» посвящены раскрытию эвристического потенциала работ А.В. Михайлова, в них изучается широкий круг проблем, связанных с его научными интересами, философско-эстетическим взглядами, методологией, языком и стилем работ, искусствоведческими и музыковедческими аспектами творчества, с исследованием творчества западноевропейских и русских писателей. Предмет докладов – литературная / художественная эпоха, метаморфозы этой эпохи и стиля, историческая поэтика, барокко, ключевые слова науки о литературе, обратный перевод, сравнительное литературоведение, философская эстетика, эмблематика, искусство, музыка и слово. Звучали воспоминания коллег, лично знавших ученого. На конференциях 2023–2025 гг. внимание уделено переводам ученого и его переводческой концепции.

В рамках «Михайловских чтений» подготовлены труды «Память литературного творчества» (2014), «Имя в литературном произведении: Художественная семантика» (2015). К 80-летию ученого опубликована коллективная монография «Жизнь в науке: Ал.В. Михайлов – исследователь литературы и культуры» (2018).

В 2022 г. наследники А.В. Михайлова передали в ИМЛИ РАН архив ученого вместе с первоначальной описью, составленной его супругой Норой Андреевной Михайловой. Институт приносит семье А.В. Михайлова глубокую благодарность. В настоящее время ведется работа по систематизации материалов архива.

Обзоры конференции «Михайловские чтения» публикуются на сайте ИМЛИ РАН и в периодической печати.

27–28 мая 2025 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН состоялась очередная научная конференция «Михайловские чтения», посвященная теме: «Теоретико-литературное наследие А.В. Михайлова в современной науке». Выступили исследователи из научных центров Москвы, из университетов Санкт-Петербурга и Тюмени. На четырех заседаниях прозвучало 20 докладов по широкому кругу проблем теории и истории литературы и культуры, германистики, искусствознанию, освещались отдельные материалы их архива А.В. Михайлова. Каждый доклад сопровождался дискуссией.

Конференцию открыл доклад *Ларисы Николаевны Полубояриновой* (СПбГУ) «О специфике компаративного мышления: А.В. Михайлов и Ю.Н. Тынянов». На материале компаративистских работ Ю.Н. Тынянова («Тютчев и Гейне», «Блок и Гейне») и статьи А.В. Михайлова «Белинский и Гейне» обозначены точки соприкосновения и моменты расхождения двух выдающихся литературоведов, проявивших себя также как компаративисты.

Автором доклада отмечено, что статьи Тынянова обнаруживают склонность к типологическому сопоставлению двух фигур соответственно русской и немецкой литератур при общей недооценке генетического анализа. Декларативный отказ от последнего объясняется пафосом борьбы со старым академическим литературоведением, в серьезной мере «компаративистски» ориентированным. Следствием этой «борьбы» оказывается намеренное «отбрасывание» («усекновение») Тыняновым потенциально плодотворных линий анализа, которые с более поздней точки зрения (ср. мнение Л.Я. Гинзбург и О. Ронена) обнаруживают «обещание нового творческого почина» (Ронен). Ценным с сегодняшней точки зрения предстает сам ход анализа – вычленение своеобразия гейневской поэтики – еще более очевидного на фоне качественно отличной от нее блоковской и – *vice versa*. Кроме отмечаемых О. Роненом двух теоретически и методологически важных категорий, сформулированных и обоснованных Тыняновым в контексте данного анализа (фигура «лирического героя» и понимание подборки стихотворений как «лирического романа»), возможно отметить также в виде ценных находок точное обозначение различия поэтик двух авторов: эмоциональная релевантность образов у Блока *versus* их эмоциональная иррелевантность у Гейне и аутентичность предметного и идейного состава поэзии у Блока *versus* иронизирование любой предметности и идейности у Гейне.

Проведя траекторию сравнения несколько дальше, получим в результате объяснение выявленной «типологическим» анализом столь резкой, почти контрастной несхожести двух фигур поэтов, коренящейся, не в последнюю очередь, в специфике соответствующих литературных и культурных эпох и национальных литературных традиций.

Именно подобного типа – дополненный и расширенный учет «конкретности творческого развития и противоречивости становления»,

сравнительный анализ содержится, как представляется, в статье А.В. Михайлова «Белинский и Гейне» (1990), где «проникают друг в друга начала личное и общее, то, что принадлежит человеку и что принадлежит эпохе, национальной культуре». Начиная с «генетического» анализа «источников» (в частности, приводя суждения Белинского о Гейне) и установления общего схождения социокультурного плана (общность эпохи, литературная критика как род деятельности обоих авторов), Михайлов приходит к важнейшему моменту типологического сходства, найдя «то место, тот мыслительный момент, в котором произошла идеальная встреча Белинского и Гейне». Таким моментом оказывается для него пафос космополитизма. И Белинский, и Гейне, как считает А.В. Михайлов, имеют установку «разбудить европейцев» в своих согражданах.

Рассуждения А. В.Михайлова о Белинском и Гейне, являющие собой позднейший извод российской линии «компаративизма» как исторической поэтики, доводит «типологический» подход, спонтанно прорывающийся, но сознательно маргинализируемый в анализах Тынянова, до логического завершения — т. е. переводит сравнение двух писательских фигур в план сопоставления национальных литератур и культур.

С другой стороны, скрытая продуктивность типологического сопоставления у Тынянова и очевидная его продуктивность у Михайлова (на фоне лишь «технической», описательной ценности для них обоих «генетического» анализа — изучения «источников и влияний») объясняет, почему вектор последующего развития сравнительного литературоведения (и не только для американского его извода) в традиционной компаративистской таксономии «генетический versus типологический анализ» в последние десятилетия отчетливо сместился в сторону типологии.

Доклад *Игоря Олеговича Шайтанова* (РГГУ, РАНХиГС, «Вопросы литературы») «Динамическая речевая конструкция» Ю.Н. Тынянова в ее отношении к теории жанра в исторической поэтике» соотносится с докладом Л.Н. Полубояриновой вниманием к фигуре выдающегося филолога, проблемам компаративизма и исторической поэтики. Известное определение, данное в 1924 г. Ю.Н. Тыняновым литературе (и жанру): «динамическая речевая конструкция», состоит из слов, относящихся к разным этапам становления понятийного ряда, представляющего движение мысли в исторической поэтике в целом и в тыняновской теории. Самый общий и устойчивый термин занимает срединное положение «речевая». Он варьирует мысль, заложенную в определении природы словесного искусства, или искусства слова, предлагая к нему уточнение в духе Фердинанда де Соссюра, сместившего акцент внимания с языка на речь. Соссюр и Бенедетто Кроче стоят у истоков европейского «лингвистического поворота», определившего характер филологического исследования едва ли не на весь XX век. В этом смысле историческая поэтика в том виде, как она была сформулирована Веселовским и продолжила свое развитие, созвучна европейскому движению с одной поправкой: если западные «новые критики» сосредоточились на «слове в тексте», то историческая поэтика предполагала предметом своего изучения «слово в жанре». Принципиальная разница.

Тыняновское определение литературы соотносится в докладе с понятийным рядом, предложенным Веселовским, и с тем, на чем впоследствии остановится Тынянов, терминологически варьируя определение, первоначально возникшее в 1924 г. в статье «Литературный факт» (журнал «Леф», 1924, №2. С. 101–116). Это был период завершения всеобщего конструктивизма, чреватый поворотом мысли, который будет отмечен у Тынянова сначала в названии статьи 1927 г «О

литературной эволюции» и затем понятием «система». Определение «конструктивный» использовано Тыняновым в момент, когда оно уже утрачивало свою авангардную броскость и отступало в прошлое.

Эпитет «динамическая» представляет собой эквивалент тому, что Веселовский, так же имея в виду идею непрямого движения, развития, обозначил словом «историческая». Так что мысль в определении, данном Тыняновым литературе, оформилась в соответствии с концепцией Веселовского, наметив путь для дальнейшего становления идей самого Тынянова и общего становления исторической поэтики.

Словосочетание «историческая поэтика» (что демонстрирует и трудность его возникновения у Веселовского, который шел к нему тридцать лет, меняя разные варианты) было для своего времени, по сути, столь же парадоксальным, как и «динамическая конструкция» у Тынянова. Это был своего рода оксюморон, поскольку прежняя поэтика ни в каком смысле не была исторической, она была нормативной, т. е. предписывала правила. Историческая поэтика в представлении как Веселовского, так и Тынянова, должна была исследовать законы литературного движения, его динамику. Общее убеждение находило себя в новых контекстах и меняло свой понятийный ряд, не отказываясь в процессе становления мысли от своей динамической и речевой сути, уходя от понятия «конструкция» и приближаясь к понятию «система».

Дарья Сергеевна Московская (ИМЛИ РАН) в своем докладе «Гуманитаристика 1920-х годов в “обратной перспективе”, или “Несколько тезисов о теории литературы” А.В. Михайлова» представила очерк мировоззренческого генезиса трудов А.А. Ухтомского, А.А. Золотарева, Н.П. Анциферова, получивших в работах В.Е. Хализева определение внеадресного литературоведения. Глубинное родство этих биографически близких друг другу мыслителей коренится

в формирующейся в европейской мысли конца XIX — начала XX в. философии жизни как основании для новой теории культуры. В социологии оформляется понятие об обществе как общении. На смену экономическому детерминизму приходит понятие традиции как исторического опыта передачи изменчивого смысла знаков социального общения. В самом общем виде в трудах Ухтомского, Анциферова, Золотарева разрабатывалась проблема понимания чужой одушевленности и методы герменевтической экзегезы, понятия, не получившего в советской науке распространения. Это объясняет принципиальную нетерминологичность использованного этими мыслителями понятийного аппарата. В то же время им принадлежит ряд понятий и концепций, введенных ими впервые в научный оборот или заимствованных у близких им по духу мыслителей, таких как «доминанта на лицо другого», «заслуженный собеседник», «реальная наука», «фланер»/ «наблюдатель», «дальнозоркость». Методологически связанные друг с другом эти понятия указывают на активную вовлеченность личности ученого в им вершимые познавательные процессы, и призваны выявить в литературном памятнике причастность текста к жизненному общению – к истории.

А.В. Михайлов в своих тезисах «Истолкование произведения. Традиции немецкой и русской герменевтики», обнаруженных в личном архиве ученого, переданном в ОР ИМЛИ РАН наследниками, отметил, что «“истолкование” в литературоведении связано с рядом родственных друг другу занятий - экзегеза, комментирование, толкование и истолкование <...>. Деятельность филолога-толкователя сама становится предметом внимания, методологического исследования и тогда связывается с философской проблемой понимания».

Развивший в своих трудах традиции отечественной и немецкой философии культуры и методы науки о духе А.В. Михайлов пояснил,

почему термин герменевтика не прижился в советской России. Дело в том, «русская наука всегда избегала чрезмерной специализации. <...> Наука противилась тому, чтобы разные ее отделы приобретали совершенно независимый, самостоятельный статус. <...> Вторая причина (впрочем, внутренне связанная с первой): основная направленность русской науки – опять же традиционно – это направленность онтологическая, это интерес к бытию, сущности вещей. Итак, слово “герменевтика” не получило у нас распространения, – однако этого нельзя сказать о самих герменевтических проблемах, которые именно потому и не удостоились отдельного наименования, что рассматривалось в комплексе с другими проблемами, с первостепенным интересом к “бытию” вещей». В качестве третьей причины, Д.С. Московская указала на то, что проблема понимания в герменевтической перспективе, обращаясь к «бытию вещей», утверждает целостность культуры и ценность традиции и в этом устремлении противоположна номотетике марксистского метода, расслоившего историческую память на классово враждебные потоки.

Марина Ильинична Свидерская (Гос. Ин-т искусствознания) выступила с докладом «Концепция А.В. Михайлова о замене риторического слова индивидуальным как этапе перехода к реализму на рубеже XVIII–XIX веков». Предметом анализа стали взгляды ученого в сопоставлении и в параллелизме с идеями искусствоведа Е.И. Ротенберга, который полагал появление вневещной линии (реализма) в изобразительном искусстве Европы XVII в. Теоретическая соотнесенность взглядов исследователей, проявляется в «исторической тождественности» взглядов Е.И. Ротенберга построениям А.В. Михайлова о замене риторического слова индивидуальным на пути к реализму. Близость существа обоих явлений, по словам М.И.

Свидерской, доходит до уровня тождества. Их временной разрыв – почва для размышления о законах развития культуры.

Доклад *Лидии Ивановны Сазоновой* (ИМЛИ РАН) «Из материалов архива А.В. Михайлова» состоял из двух частей. В первой рассмотрены текстологические соотношения статей ученого с визуальной метафорой в названии: таковы два находящиеся в архиве текста под общим заглавием «Солнцевидный и туманный взгляд художника. Статья 1. Статья 2» и статья «Глаз художника (художественное видение Гёте)» (архивный вариант и публикация). Удалось установить внутреннюю связь и текстуальные пересечения между названными работами и прийти к выводу, что перед нами смысловое единство, своего рода триптих. Названные работы относятся к области философской эстетики.

Статья «Глаз художника...» представлена в архиве в трех экземплярах (машинопись). Запись, сделанная А.В. Михайловым в первом из них, на верхнем поле первой страницы карандашом: «Три приближения к Гёте. Основные мотивы классического видения»; она свидетельствует о широком замысле ученого, из которого, как теперь стало известно, реализована в печати только часть задуманного. Там же А.В. Михайлов оставил помету карандашом, указав на точную дату написания статьи «Глаз художника...»: «Экз., сделанный для Лосев. Т. 1. 17/12/76» (=17 декабря 1976). Очевидно, что она была подготовлена для сборника в честь 85-летия А.Ф. Лосева (изд. в сб.: Традиции в истории культуры / сост. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1978, с. 163–173). В публикации данной статьи, в 11-м примечании сказано: «См. об этом полный текст подготавливаемой мной работы о художественном видении Гёте» («Языки культуры», 1997, с. 654). Следовательно, создание двух статей «Солнцевидный и туманный глаз художника» («Статья 1» три экз. по 25 с.; «Статья 2», 25 с.) относится к тому же периоду. Сопоставление текстов показывает, что работа «Глаз художника...» «отпочковывается»

от второй половины второй статьи «Солнцевидный и туманный глаз художника». Имеются и другие текстологические наблюдения, которые должны быть изложены при подготовке публикации статей «Солнцевидный и туманный глаз художника». Почему обе они не были опубликованы – пока достоверно неизвестно. Возможно, ученый полагал, что статья «Глаз художника...» достаточно представляет за тему. Не исключено, что работая в 1970-е годы столь интенсивно, Михайлов был переполнен замыслами и перешел к осуществлению других проектов, возможно, также не представился случай для публикации.

Таким образом, работа с архивом А.В. Михайлова предоставляет возможности для идентификации текстов, позволяет выявить неопубликованные материалы, проливает свет на контекст статей, и позволяет наблюдать творческий процесс ученого.

Во второй части доклада представлен редкий семейный документ военного времени: наблюдения мамы Александра Викторовича Веры Ивановны Зыковой, профессионального психолога, кандидата наук, над своим маленьким сыном. Дневниковые записи сделаны в период эвакуации (с 30 ноября 1942 г. до 17 апреля 1943 г.) и направлены на фронт отцу маленького Саши Виктору Александровичу Михайлову. В архиве имеются также детские письма-рисунки Саши. В книге «Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры» (2018) опубликованы воспоминания родителей ученого «Светлой памяти сына» (2018) – мемуары написаны после кончины Александра Викторовича. Дневниковые записи В.И. Зыковой военных лет – современные описываемым событиям. Их следует опубликовать.

Доклад *Александра Николаевича Беларева* (ИМЛИ РАН) ««Какая странная, какая прекрасная книга!»: роман Жан-Поля “Зибенкез” в переводе А.В. Михайлова (по материалам архива)» был посвящен

результатам текущей работы с архивом ученого в Отделе рукописей ИМЛИ. При анализе научного архива Михайлова был обнаружен целый ряд неопубликованных переводов из Жан-Поля. Жан-Поль значим для Михайлова не только как один из немецких классиков, причем классик недостаточно знакомый русскому читателю, даже несправедливо забытый им. Творчество Жан-Поля, с точки зрения Михайлова, наиболее ярко демонстрирует «категориальный слом», происходивший на рубеже XVIII–XIX вв., драматический переход от «культуры готового слова» к «культуре свободного «я»». Заявки в различные издательства (прежде всего 1980-е гг.), хранящиеся в архиве, показывают, с каким упорством и последовательностью Михайлов пытался добиться издания избранных произведений немецкого писателя.

Наиболее значимой находкой на данный момент можно считать перевод романа «Зибенкез» (1796–1797 гг.), который был подготовлен выдающимся переводчиком и германистом в конце 1980-х гг. для издательства «Художественная литература». В 1937 г. издательство уже публиковало «Зибенкеза» в переводе А.Л. Кардашинского. В задачу Михайлова входила основательная переработка перевода 1937 г., перевод пропущенных по цензурным соображениям фрагментов, написание предисловия и комментариев. Новый перевод был полностью подготовлен к печати, но бурные общественно-политические события и экономические трудности остановили проект на финальной стадии. В архиве А.В. Михайлова выявлены два варианта текста перевода, отражающие различные стадии работы над ним: 1) относящаяся, вероятнее всего, к 1988–1989 гг. правка текста перевода 1937 г. и перевод опущенных в этом издании фрагментов; 2) финальная правка гранок 1991 г. Докладчик отдельно остановился на анализе предисловия, написанного ученым. Оно представляет собой не только глубокий очерк

творчества Жан-Поля, но может читаться и как уникальный образец «поздней» мысли самого Михайлова.

Особое место в проекте Михайлова по изучению «ключевых слов» культуры занимало исследование феномена нигилизма. Анализ материалов архива позволяет сделать следующий вывод: Михайлов планировал издать подборку текстов Жан-Поля, в которых тот одним из первых в Европе пытался осмыслить новое явление, понять нигилизм как философскую возможность и опасность. Речь идет о фрагментах-видениях «Речь мертвого Христа с вершин мироздания о том, что Бога нет», «Уничтожение», «Жалоба мертвого Шекспира в церкви среди мертвых слушателей на то, что Бога нет» и сатирическом трактате «Clavis Fichtiana» («Ключ к Фихте»). В архиве выявлены несколько вариантов перевода этих фрагментов: Михайлов считал их настолько значимыми, что постоянно возвращался к ним, совершенствуя перевод. В качестве предисловия к этой подборке Михайлов написал эссе «Перед восходом нигилизма», также хранящееся в архиве.

В докладе *Юрия Борисовича Орлицкого* (РГГУ) «Михайловская теория и практика прозиметрического текста (на материале “Западно-восточного дивана” Гёте)» образцовый «литературный памятник» классика мировой литературы был рассмотрен с точки зрения современной теории стиха и прозы и в связи с спецификой его ритмической природы как прозиметрическая композиция, в которой стихотворная (собственно «книги» стихов) и прозаическая («Примечания и исследования для лучшего понимания Западно-восточного Дивана») представляют собой единое смысловое и структурное целое.

Не используя термин «прозиметрия», сложившийся в мировой филологической практике, А.В. Михайлов тем не менее в своем стремлении реабилитировать «Примечания» как неотъемлемую часть

гётевского текста опирался на прозиметрическую концепцию, причем как в теоретических рассуждениях о природе целостности «Дивана», так и в собственной переводческой практике, создавая русский аналог исключенной из предшествующих русских переводов второй, якобы вспомогательной прозаической половины шедевра мировой лирики.

Ольга Николаевна Кулишкина (СПбГУ) рассмотрела в докладе «Романтический “миф о творце” и русская проза XIX – начала XX вв.» один из конкретных примеров тех «удивительных, далеко заходящих параллелей» между идеями немецкого романтизма и русской словесностью XIX – начала XX веков, которые свидетельствуют, по мысли А.В. Михайлова, о глубоком «творческом сомышлении» двух национальных культур.

Наряду с чрезвычайно распространенным и устойчиво отлившимся в определенные типические черты образом героя-художника (поэта, музыканта) в русской прозе 1830-х годов (времени наиболее активной эксплуатации устойчивых тем и мотивов романтической культуры) возникает типологически сходная, однако – иная, нетрадиционная разновидность героя-творца. Это – герой-субъект житнетворчества, главной чертой которого является способность к безусловной эстетизации своей собственной реальной жизни; то есть – к достаточно осознанному и целенаправленному оформлению единого и окончательного (= эстетически значимого) «сюжета» своего действительного, земного бытия.

В качестве таковых могут быть рассмотрены, например, центральные персонажи повести Н.А. Полевого «Блаженство безумия» (1833), а также «Сильфиды» (1837) В.Ф. Одоевского. Названные произведения запечатлели тот момент развития литературного сознания, когда стало возможным перенесение отличительного признака героя-художника (причастность «божественной силе» завершения) на героя,

принципиально не имеющего никакого отношения к собственно художественной деятельности. В этой связи данный эпизод русского литературного процесса XIX в. можно рассматривать как своего рода «переходный этап» на пути к окончательному утверждению открытой романтической культурой мысли о действительной (реально существующей, а не только идеально предносящейся) творческой природе человеческой личности. Именно этот процесс обусловил далее возникновение в русской литературе нового типа героя – героя-«испытателя» идей и разнообразных моделей культуры, героя, одной из важнейших черт которого является способность к осознанному самопостроению и испытанию своей собственной судьбой того или иного типа жизнеосуществления – во имя обретения высшей истины человеческого бытия.

Направление обозначенного преемственного развития отчетливо прослеживается на примере двух наиболее близких по времени к повестям Одоевского и Полевого произведений отечественной литературы «первого ряда» – «Пиковой дамы» А.С. Пушкина и «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. В дальнейшем охарактеризованный тип героя редко появляется на магистральном пути развития русской литературы. В то же время, однако, как уже было сказано, косвенные связи с началами, воплощенными в концепции «жизнетворчества», обнаруживаются на весьма широком литературном пространстве. Опосредованно с этой идеей связаны образы многих героев Достоевского (прежде всего – герои с «идеей»), образы героев-искателей у Л.Н. Толстого и т. д. То, что в 1830-е годы формировалось как специфическое «боковое ответвление» важной линии литературного процесса, становится позднее одной из универсальных моделей художественного осмысления жизни – модели, чрезвычайно

актуализирующей и одновременно проблематизирующей культурным сознанием рубежа XIX–XX вв.

В докладе *Натальи Николаевны Смирновой* (ИМЛИ РАН) «“Косвенные способы существования литературных произведений” (А.В. Михайлов) как проблема теории литературы» рассмотрены идеи А.В. Михайлова конца 1980-х – начала 1990-х годов, расширяющие представления о предмете теории литературы. Говоря о «косвенных способах существования литературных произведений», ученый считал необходимым включить в теоретическое осмысление первичную форму произведения – рассказывание, равно как и формы его последующего бытия – пересказываемое и подразумеваемое. Это формы «разворачивания смысла» в исторической перспективе, благодаря которым произведение в каждом времени воспринимается по-разному.

Петр Валерьевич Абрамов (Гётевская комиссия, Москва) посвятил свой доклад теме «Понятие “Гётевского слова” в работах А.В. Михайлова – о проблеме перевода и границах непереводаемого». Творчество великого немецкого поэта, творившего в обновлённую «риторическую эпоху Просвещения», всегда оставалось для А. В. Михайлова центром духовного и научного притяжения. В работе «Методы и стили литературы» (1980-е годы; изд. 2008, 2018) учёный говорил о своеобразии языка Гёте, когда слово, в интенсивности своего значения «пропущено сквозь жизнь и вернулось в себя». Многогранность символики раскрывается у Гёте не только в поэзии. Комментируя «Западно-восточный диван», А.В. Михайлов указывал на орнаментальность семантики и порождение новых смыслов в этой книге «взаимоотражений», но также и в прозе – в романах о «Вильгельме Мейстере» и особенно в «Избирательном сродстве». Сегодня, когда в Германии к завершению подходит работа над многотомным «Словарём языка Гёте» (последний том должен выйти в 2037 г.), а внимание

лингвистов обратилось к особенностям нарративного синтаксиса и семантики неологизмов поэта, представляется важным проследить, как в трудах А.В. Михайлова эволюционировала мысль об универсальности «Гётевского слова». Почему ряд особенностей повествовательной манеры поэта учёный считал вовсе непереводаемыми на иной язык? Где определяются границы непереводаемого в лирике поэта? Как соотносятся понятия «поэтического стиля» и «стиля личности»? Отталкиваясь от фундаментальных работ А.В. Михайлова, в настоящем докладе предпринята попытка проанализировать внутреннюю форму слова Гёте, выявить ряд закономерных рекурсивных соподобий, что составили, по слову поэта, «осколки великой исповеди».

В докладе «Ключи к Просвещению: эстетика И.Я. Бодмера и И.Я. Брейтингера в интерпретации А.В. Михайлова» **Михаил Викторович Пащенко** (независимый исследователь) проследил на материале посмертно опубликованных статей А.В. Михайлова «Из истории эстетики “энаргейи”: Бодмер и Брейтингер. Фюссли» («Гётевские чтения – 1997») и «Йоанн Якоб Бодмер и его школа» (расширенный вариант: «История швейцарской литературы», 2002) внимание А.В. Михайлова к эстетическим трактатам швейцарских учёных и показал их важное значение для развития просветительской эстетики и подготовки идей Веймарской классики.

Первое. В немецкой германистике есть общие очерки о «Швейцарцах», в которых разбирается их теоретическая проблематика и указывается на их значимую роль в эстетике раннего Просвещения. Однако в работах по магистральным темам Просвещения их имён уже не встретить. В отличие от немецких исследователей теории «Швейцарцев» (Шёффлер, Бендер), Михайлов обнаружил и содержательно раскрыл в их в целом рационалистических построениях «нечто вроде островка свободной и внутренне не регламентированной мысли». Сам подход,

нацеленный на поиск «островков», то есть узловых явлений, заключающих в себе ростки будущей культуры, радикально противоречит незыблемому аналитическому принципу немецкой германистики, который исходит из целостности теории как замкнутой системы и выявляет её внутренние противоречия (здесь можно говорить о различии философского взгляда и филологического на эстетико-теоретический текст).

Второе. Новаторским для науки является определение эстетики «Швейцарцев» как «энаргийной теории» – теории живописной наглядности поэтического образа с акцентом на «чудесном» и «новизне». Таким образом, Михайлов причисляет эстетику «Швейцарцев» к опытам теоретического осмысления иррационального (мистического) компонента художественного творчества, то есть выявлению таких действующих сил и механизмов, которые не связаны с творящим художником, а внутренне присущи самому феномену творчества и в ходе него лишь активизируются художником. Это тип теории, отличный от диалектической эстетики, является определяющим для эстетики Гёте и крайне трудно осмысляемым в науке. Прямая линия от «Швейцарцев» к Гёте тем самым легко прочерчивается, но в науке не разработана; сам Михайлов прочерчивает линию: Клопшток – Гёльдерлин.

Третье. Следуя путём Михайлова, в основополагающих трактатах Бодмера «О чудесном в поэзии» и «О поэтических картинах стихотворцев» мы обнаруживаем ряд положений и формулировок, которые окажутся существенными для Веймарской эстетики Гёте: о соотношении (1) искусства и природы, (2) аллегории и живописного образа (символа), (3) рационального и эмоционального восприятия произведения искусства, (4) прекрасного и возвышенного, (5) об автономии искусства.

В докладе *Николая Владимировича Хомука* (Томск) «Значение идей А.В. Михайлова о культурно-стилевых процессах в жанре романа при изучении русской беллетристики первой половины XIX в.» речь шла об отражении барокко и бидермайера как стиливых модусов симбиотической поэтики в некоторых разновидностях русского романа. Автор доклада опирался на идеи А.В. Михайлова о «диалектике литературной эпохи» и о сложной природе культурных стилей, их соотношении на излете риторического типа культуры, когда риторическая система распадается. Наличие в поэтике романа элементов «барокко» или «бидермайера», «проходящих поперек всех явлений», касается альтернативных способов создания эпической картины как собирания или «силы сочетания» противоположных стиливых языков и культурных кодов, автор доклада определил как модус интегрирования распадающегося риторического материала культуры. В качестве примеров барокко названы в докладе романы В.Т. Нарезного «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), В.С. Миклашевича «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (1836), а также исторический роман Елены Ивановны Вельтман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царицы Ксении Годуновой» (1864).

Черты барокко в литературе XIX в. фиксировались исследователями: М.М. Бахтин относил роман Бальзака к барочному типу (Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 195); о барокко в романах Ф.М. Достоевского писал А.В. Чичерин (Достоевский и барокко. // Чичерин А.В. Ритм образа. Стилистические проблемы. М., 1980 С.151–160), о связи В.Т. Нарезного и Н.В. Гоголя с барокко также существует научная литература. К приведенному перечню автор доклада добавил имена И.Т. Калашникова и А.Ф. Вельтмана, чье творчество причудливо сочетает барочные тенденции с чертами бидермайера. К

стилистической тенденции барокко близки романы, посвященные эпохе XVI–XVII вв.

Барочные черты романного повествования исследователи объясняли связью писателя с определенной национально-культурной традицией: Нарезного и Гоголя – с украинским барокко, И.Т. Калашникова – с иркутским барокко, а, например, Н.И. Греча (роман «Черная женщина») – с петербургским. По мнению автора доклада, в данном случае следует предполагать не индивидуально-сознательную ориентацию писателя, а скорее национально-культурную память (как своего рода “коллективное бессознательное”). В подтверждение своего тезиса Н.В. Хомук сослался на методологически важную работу А.В. Михайлова: «Вот эта самая возможность развертывать мир по вертикали, сосредоточиваясь на одном из пластов и помня о других, широко, полно и любовно воспроизводить земную реальность, но не оставлять ее в самотождественности (“как таковая”), а обращать ее в миф, хотя бы поворачивать в сторону мифического без утраты точной и буквальной ее реальности, — это и есть *Nachbarock*. Вполне возможно, впрочем, что Квитка и Гоголь вобрали в своем сознании и в своей памяти все то “барочное”, что могли отыскать на украинской почве» (Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 392).

Екатерина Юрьевна Моисеева (ИМЛИ РАН) выступила с докладом «“Эстетическая норма” как теоретическая категория в работах А. В. Михайлова: к проблеме анализа и интерпретации современной литературы». Категория эстетической нормы рассмотрена исследователем в контексте современной литературы сквозь призму теоретических работ А.В. Михайлова. Проблема определения и интерпретации современной литературы осложняется отсутствием четких хронологических границ и единых критериев для её оценки. В этой ситуации обращение к идеям А. В. Михайлова призвано прояснить

и упорядочить те подходы, которые в будущем помогут исследователям в анализе современных литературных явлений. В центре внимания докладчика – динамический характер эстетической нормы, который, по Михайлову, отражает переход от статичных канонов к подвижным, развивающимся принципам искусства.

А. В. Михайлов рассматривал эстетическую норму как категорию, способную улавливать изменчивость искусства. Он акцентировал внимание на «динамике ценностей», где искусство предстает в процессе становления, что требует от исследователя гибкости и отказа от догматических рамок. Он предлагал искать новые критерии, сочетающие историческую осмысленность с вниманием к оригинальности современных текстов. В докладе также проанализированы механизмы формирования литературного канона, его эстетические и внеэстетические факторы, которые нередко усложняют выявление подлинной художественности. Отсылки к работам современных исследователей, таких как Гаятри Спивак и Марк Блум, показывают, что их идеи о динамике границ эстетического в глобальном и междисциплинарном ключе во многом перекликаются с идеями А.В. Михайлова, высказанными несколькими десятилетиями ранее. Особое внимание уделяется связи нормы с социальными и культурными изменениями, например, с процессами глобализации и цифровизации. Сделан вывод о том, что работы А. В. Михайлова остаются актуальными для понимания эволюции искусства в условиях быстро меняющегося мира.

Анна Леонидовна Гумерова (ИМЛИ РАН), рассмотрев тему «Теоретико-литературные взгляды А.В. Михайлова и их применение к современному фантастоведению», отметила, что теоретико-литературные работы ученого, посвященные произведениям, так или иначе фантастическим (романтическим), – не фантастоведческие в

современном смысле этого слова. Предмет исследования А.В. Михайлова – слово. Перед читателем его исследований художественный мир произведения открывается пластичным, авторским словом, поддающимся точности и проявляющимися в тексте авторской волей и авторской картиной мира. Фантастоведческая же проблематика сосредоточена во многом на определении границ: между реалистическим и фантастическим (см. монографию Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу»), между фантастическими жанрами и т.д. В ряде фантастоведческих работ исследователи обращаются к статье А.В. Михайлова «О Людвиге Тике, авторе “Странствий Франца Штернбальда”» (*Михайлов А.В.* Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 145–210) благодаря тому, что в этой статье содержится выразительная характеристика беллетристики и литературы «по соседству с беллетристикой». Однако для углубления теоретического взгляда на фантастическое можно обращаться и к другим работам А.В. Михайлова о немецкой литературе рубежа XVIII–XIX вв., о литературе романтизма. Очевидно, что современная фантастическая литература идет во многом от романтизма и чуть более раннего периода. Так, например, в статье «Судьба классического наследия на рубеже XVIII–XIX веков» буквально описывается фантастическое мировосприятие. Михайлов пишет о характерном для романтизма сочетании научности и мистической традиции, что было унаследовано позднейшей фантастической литературой. Его определение «термины движения» может быть необходимым для изучения развивающейся в настоящее время литературы. Поэтому обращение к работам А.В. Михайлова может быть плодотворным для теории фантастоведения.

В докладе *Ирины Львовны Поповой* (ИМЛИ РАН) «Стилистика как инструмент понимания литературы (Карл Фосслер, Лео Шпитцер, Михаил Бахтин)» речь шла о том, что кризис гуманитарных наук на

рубеже XIX–XX вв., связанный с кризисом позитивизма, переживался наиболее остро в Германии и России. Преодоление его виделось на путях синтеза: историко-литературного, культурно-философского, эстетического, социологического. В фокусе синтеза находились вопросы философии языка и стилистики. Основной разлом в европейской науке проходил по двум типологическим линиям, представленным соседствующими и противостоящими друг другу школами: женевской (Фердинанд де Соссюр) и мюнхенской (Карл Фосслер и его последователи). Линия раздела затронула и русскую теорию: к Соссюру тяготела формальная школа, к Фосслеру — круг М.М. Бахтина.

Фосслер был хорошо известен в России уже в 1910-е гг., не в последнюю очередь благодаря журналу «Логос», следовавшего направлению одноименного немецкого журнала. (Об особом значении журнала «Логос» для Бахтина свидетельствовали его неформальные ученики, впоследствии наследники.) Во второй половине 1920-х гг. труды Фосслера и его последователей были в поле зрения как формального метода, так и круга Бахтина.

В 1928 г. появилась статья В.Н. Волошинова «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» и книга «Марксизм и философия языка», где противостояние двух лингвистических школ было описано в категориях «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма». Годом ранее В.М. Жирмунский опубликовал статью «Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии», а в 1928 г. сборник «Проблемы литературной формы», где представил новое поколение филологов Германии: О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Л. Шпитцера, а также переводы, библиографию, аналитический обзор трудов и научной деятельности каждого из них. Жирмунский зафиксировал внимание к проблемам синтеза (лингвистики и поэтики в русской формальной школе; эстетики, искусствознания и

поэтики в германской науке) и пересмотр «принципов построения синтетического литературоведения» («geistes-geschichtliche Synthese»). Сближение лингвистики со стилистикой было заявлено уже в книге-манифесте Фосслера 1904 г. «Позитивизм и идеализм в языкознании» («Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft»), быстро переведенной на русский язык. Уподобление языкового творчества эстетическому в «новой лингвистике» Фосслера генерировало практику исследования языка как номенклатуру индивидуальных стилей. Наиболее репрезентативным опытом стали «Стилистические исследования» Шпитцера, вышедшие в 1928 г. с посвящением Э.Р. Курциусу, Фосслеру, Вальцелю.

Революция в романной стилистике предопределила не только пути прозаики XX в., полифонизацию романа, воскрешения звучащего слова, но и пути романной теории, диалога 'я' и 'другого', внешнего и внутреннего 'я'.

Стилистика Шпитцера, заявленная как инструмент понимания литературы, как «самая торная дорожка», реальный мостик между наукой о языке и наукой о словесном искусстве, сконцентрирована на стилистике прозаики и проблеме ключевых и тематических слов. Именно Шпитцер, выдающийся исследователь индивидуальных стилей, заметил, как неразрывная, тотальная, связь сказанного слова и личности говорящего проявляется в социальных формах коммуникации, в «общем языке», понимаемом как «место пересечения индивидуальных языков». Стилистика романа Бахтина в 1930-е гг. строилась с оглядкой на «Stilsprachen» Л. Шпитцера как исследование языков, или «типов романного слова» русских, французских и немецких писателей. Романное слово Достоевского, Гёте, Пруста, Рабле, Гоголя были «кирпичиками» большой стилистики романа, здание которой осталось неоконченным. Стилистика Шпитцера была реальным «мостиком»,

«шлюзом», связывающим эти исследования друг с другом и одновременно с европейским научным контекстом.

В докладе «Традиция Гете в творчестве Фернанду Пессоа» **Ольга Александровная Овчаренко** (ИМЛИ РАН), изучая ортонимическое наследие выдающегося португальского писателя, обратилась к его драматургическим опытам. От Пессоа осталась одна завершенная драма «Мореход» (1913). Остальные его опыты существуют в виде не очень обширных набросков, и думается, что из них ценность представляет только «Фауст», выводящий на поверхность некоторые подспудные размышления поэта. Пессоа является создателем так называемой «статической драмы», в которой, по его словам, «драматический сюжет не составляет действия... Бывает отражение души без действия и создание инертных ситуаций, моментов, когда у души нет окон или дверей в реальность». «Мореход» представляет собой аналогию со «Слепыми» Метерлинка, его так называемым «театром смерти». «Фауст» также задуман Пессоа как статическая драма. Он является наиболее интересным из драматических опытов Пессоа. Конечно, драма ставит вопрос о влиянии Гете на португальского поэта. Известно, что в библиотеке Пессоа был английский перевод книги Гете, а также «Трагическая история доктора Фаустуса» Кристофера Марлоу. Для понимания специфики драмы Пессоа важны замечания А.В. Михайлова о «Фаусте» Гете, его тематики и жанровых особенностях: «Фауст» – не трагедия, поэма! Нет, не поэма, это театр! В нем внешнему сюжету отведена вторая роль, а первая – охватывающему все в мире принципу роста – восхождению вверх, ввысь, к лучшему, к самосовершенствованию». Пессоа говорил, что его «ансамбль драмы представляет собой борьбу между Разумом и Жизнью, в которой Разум всегда оказывается побежденным».

Пессоа оставил после себя более двухсот фрагментов от «Фауста». Фрагменты фактически не стыкуются между собой, но представляют собой мысли Пессоа о самых важных для него материях: множественности миров и Богов, ошибки Творца, смены поэтических масок. К «Фаусту» примыкает рассказ Пессоа «Час дьявола», в котором последний предстает как доброжелательное и обаятельное существо. Думается, что неоконченный «Фауст» явился одной из вершин ортонимного творчества Фернанду Пессоа, и в его смысл еще надлежит вчитываться.

Иван Олегович Волков (Томский ГУ) представил доклад «И.С. Тургенев – читатель «Западно-восточного дивана» И.В. Гёте», посвященный разработке проблемы художественно-эстетического восприятия И.С. Тургеневым лирического наследия И.В. Гёте. В сфере интереса и читательской рефлексии русского писателя впервые открывается страница, связанная с грандиозным стихотворно-прозаическим циклом «West-östlicher Divan». Материалом анализа прежде всего стали пометы и маргиналии (карандаш и бескрасочные вдавливания) И.С. Тургенева, оставленные на оригинальном издании (1819) книги И.В. Гёте из его личной библиотеки, хранящемся в музее писателя в г. Орёл.

С опорой на метод научной интерпретации «следов» чтения, который был разработан Ф.З. Кануновой и коллективом томских ученых в рамках изучения личной книжной коллекции В.А. Жуковского (Библиотека В.А. Жуковского в Томске / Отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. Ч. 1–3), воссоздается процесс и сама картина тургеневского движения по масштабному произведению И.В. Гёте. Текстологическая реконструкция плодотворно осуществляется прежде всего с опорой на концептуальное осмысление идеи и формы «Западно-восточного дивана», предложенное А.В. Михайловым

(Михайлов А.В. «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма // Гёте И.В. Западно-восточный диван. М.: Наука, 1988, с. 600–680). Тщательность и внимательность тургеневского взгляда, тип и порядок расставленных в чтении акцентов – не сплошных и линейных, а избирательных и «ломанных», логика «охватывающего» зрения – все это позволяет сделать вывод о том, что писатель воспринял «Западно-восточный диван» как целостное поэтическое пространство и усвоил «систему внутренних, продуманных, при этом столь же выявленных, сколь и полускрытых, погруженных в ткань произведения и в ней исчезающих смысловых связей» (Михайлов А.В. Гёте и поэзия Востока // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1985, с. 111).

В результате анализа помет и маргиналий, которые выступают в качестве единого рецептивного текста, с одной стороны, можно точно определить направление взгляда И.С. Тургенева в отношении субъектной структуры лирического текста И.В. Гёте. Русский писатель чутко интересуется способами воплощения творческого «Я», которое выступает уникальной и масштабной силой. Линия поэта как носителя истины и стремления к гармонии, выразителя самой идеи человеческого существования стала для И.С. Тургенева определяющей и показательной как в плане поэтического конструирования целого, так и в плане установления эстетических ориентиров. С другой стороны, можно сделать вывод о чутком восприятии заданной немецким писателем сложности нравственно-философского и эстетического осмысления человеческого существования (в многообразии проявлений). В этом целом особое значение для него приобрела тема любви. Кроме того, считается акцент на своеобразии восточной культуры, но не в плане экзотики, а в качестве определенной вековыми традициями жизненной парадигмы.

Доклад *Натальи Ростиславовны Лидовой* (ИМЛИ РАН) «“Наука поэзии” (кавья-шастра) в трудах средневековых индийских теоретиков» посвящен одному из важнейших аспектов исторической поэтики – формированию понятийного аппарата этой науки. Как известно, историческая поэтика, важнейший вклад в изучение которой внес А.В. Михайлов, это не просто анализ поэзии или литературных приемов, характерных для различных культур, это критический подход к пониманию литературы, настаивающий на неразрывности литературной формы и исторического контекста. Полемизируя с идеей вневременных, универсальных эстетических принципов, историческая поэтика утверждает, что само значение, функция и восприятие литературных форм, или собственно их «поэтика», формируется и обретает значимость лишь в конкретных исторических обстоятельствах. В докладе обсуждалось понятие «науки поэзии» (кавья-шастры), так как оно было представлено в сочинениях средневековых индийских теоретиков Бхамахи (VII в. н.э.) и Дандина (VIII в. н.э.). Оба они – крупнейшие представители школы аланкариков (букв. «украшателей»), обсуждавшей фундаментальные вопросы о том, что такое поэзия (кавья) и как она устроена. Неявно заимствуя из всеобъемлющей миметической теории «Натьяшастры» (II в. до н.э. – II в.н.э.), рассматривающей речь наряду с другими составляющими театрального действия, аланкарики видели свою задачу в том, чтобы описать язык как главное и единственное в своем роде поэтическое выразительное средство. Усматривая специфику художественной речи в аланкаре и стоящим за ней принципом «украшенности», они разделили красоту звучания (шабда-аланкара) и красоту смысла (артха-аланкара), сформулировав тем самым основные структурно-семантические принципы, которые делают язык формой искусства. В трудах Бхамахи и Дандина учение о природе поэтического языка обрело статус самостоятельной интеллектуальной дисциплины.

Их настойчивое внимание к деталям формы, попытки выявить законы содержательной и звуковой красоты слова, а также споры о приоритетности тех или иных поэтических приемов, заложили основу одного из важнейших направлений индийской эстетической мысли. Определяя законы «науки поэзии», аланкарики создали тот понятийный язык, на котором Индия еще много столетий говорила о своем литературном искусстве.

Завершилась конференция докладом *Валентины Сергеевны Сергеевой* (ИМЛИ РАН) «Образ европейского средневекового города в отечественной исторической прозе XX в.». В исторической прозе, посвященной европейскому Средневековью, особую значимость обретает тема локусов, которые служат как бы зримым воплощением Средних веков для читателя. Одним из таких локусов становится город – средоточие жизни, свободы, культуры, прогрессивных устремлений, яркий символ борьбы «темных веков» и приближающегося Нового времени, эпохи гуманизма. Авторы советской эпохи, особенно 1920–1930-х гг., создавали образ средневекового города для нового читателя, который, вероятно, был незнаком с классическими образцами зарубежного исторического романа (в частности, с Вальтером Скоттом), однако нуждался в знакомстве с отдаленными эпохами и в верной расстановке идеологических акцентов. Знакомство с городом для героя зачастую становится своеобразной экскурсией для читателя; герой, нередко наивный – провинциал, деревенский подросток, «благородный дикарь» – сперва любит город издали, затем проходит по его основным значимым точкам, наконец, переходит к постижению городской жизни, обретает в ней место и/или находит средства для того, чтобы двигаться дальше. Поэтому столь значимы рыночная площадь, паперть собора, на которой может звучать революционная проповедь, университет, таверна, где люди собираются обсудить свои нужды,

мастерская, городской дом, где в каморках живут слуги или скрывается лаборатория ученого. Герои приходят в город на заработки или учиться, отрываясь от семьи, общины, традиций; они помнят о своих корнях, но, как правило, не остаются в деревне навсегда, поскольку именно с городом связано представление о лучшей судьбе. В то же время город – это место резких контрастов (здесь живут бок о бок господа и слуги, богачи и нищие), соблазнов, новых опасностей, постоянного столкновения своих и чужих. Средневековый город похож на лабиринт, и особую важность обретает тема метафорического путешествия к самому себе, познания истины, поисков любви и дружбы, овладения мастерством. Хронотоп средневекового города насыщен традициями романтиков, в том числе визуальными; эстетическое восприятие города как художественного полотна, целенаправленное конструирование образа эпохи как символического пейзажа создает обобщенный тип города, который складывается из узнаваемых элементов (ворота, стены, башни, острые крыши, площадь, собор, узкие улочки, дворцы и т.д.). С одной стороны, герой противопоставлен толпе, в которой он теряется, становится одним из множества. В то же время особая городская атмосфера может быть благой, она полна энергии и сил, в том числе эволюционных и революционных.

Статьи, подготовленные на основе конференции «Михайловские чтения» и материалов Архива А.В. Михайлова, предполагается опубликовать после обсуждения на заседании Отдела теории литературы в издании ИМЛИ РАН «Codex Manuscriptus».

Сведения об авторе: Лидия Ивановна Сазонова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела теории литературы ИМЛИ РАН; e-mail: lidasaz17@mail.ru